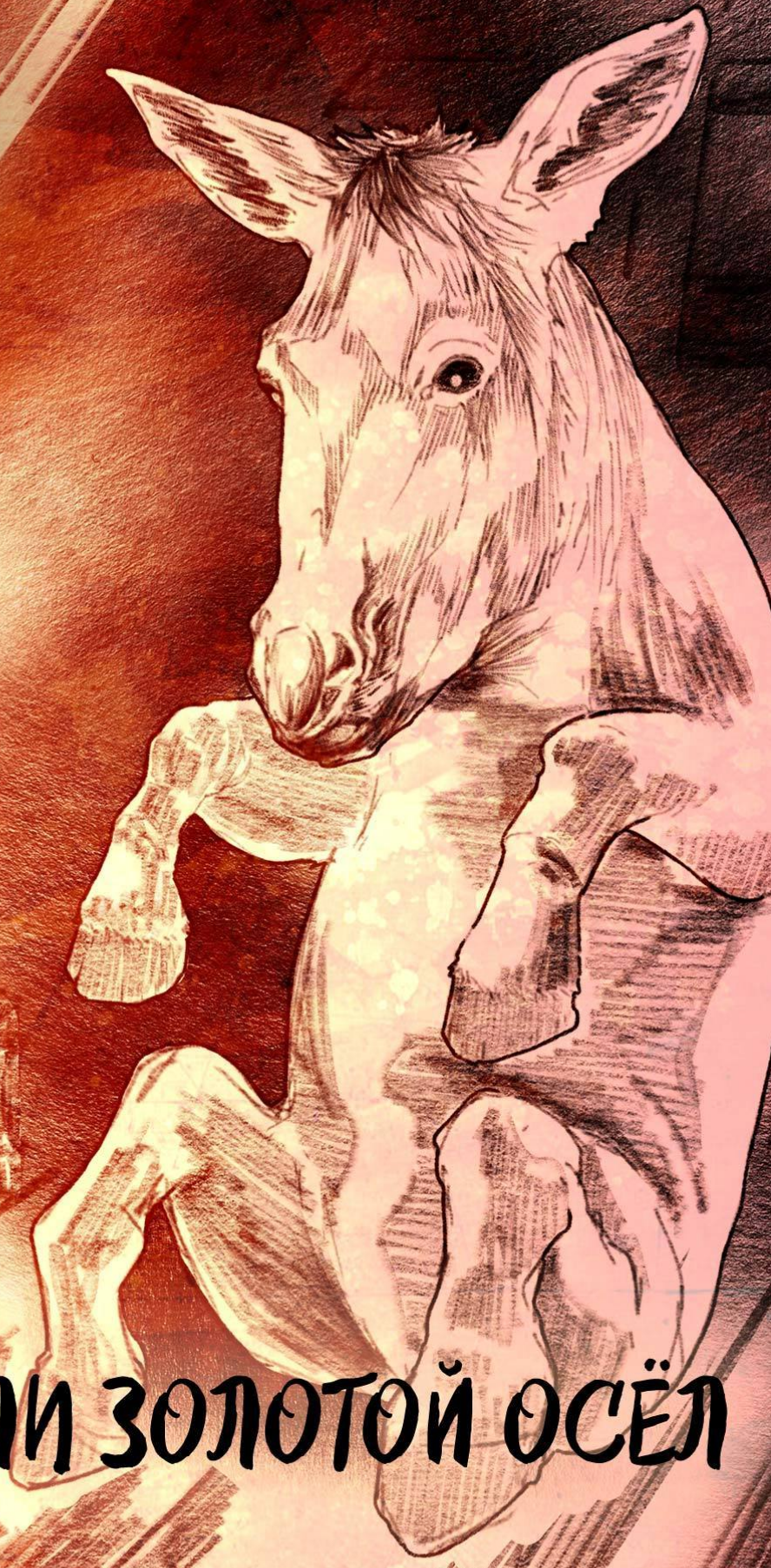

МЕТАМОРФОЗЫ

АПУЛЕЙ

или золотой осёл

Апулей

**Метаморфозы, или Золотой
осел (С иллюстрациями)**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Апулей

Метаморфозы, или Золотой осел (С иллюстрациями)
/ Апулей — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Молодой грек по имени Луций, путешествуя по Фессалии, знакомится с могущественной колдуньей. Герой подсматривает за превращениями колдуньи и сам пытается превратиться в птицу. Но происходит ошибка: Луций становится ослом, сохранив при этом человеческий разум. В образе осла герой имеет возможность наблюдать самые интимные сцены человеческой жизни. «Метаморфозы, или Золотой осел» Апулея (ок. 124 — ?) — единственный латинский роман, дошедший до нас целиком. Роман, рисующий панораму быта и нравов римской провинции II в. и пронизанный эротическими, религиозными и мистическими мотивами, принёс своему творцу мировую славу, которая не меркнет вот уже почти две тысячи лет.

Содержание

Книга первая	6
Книга вторая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Луций Апулей

Метаморфозы, или Золотой осел

«То, что мы знаем, — ограничено, а то, чего мы не знаем, — бесконечно».

Апулей

Книга первая

1

Вот я сплету тебе на милетский манер¹ разные басни, слух благосклонный твой пораду лепетом милым, если только соблаговолишь ты взглянуть на египетский папирус, испи-санный острием нильского тростника²; ты удивишься на превращения судеб и самых форм человеческих и на их возвращение вспять тем же путем, в прежнее состояние. Я начинаю. «Но кто он такой?» – спросишь ты. Выслушай в двух словах.

Аттическая Гиметта³, Эфирейский перешеек⁴ и Тенара⁵ Спартанская, земли счастли-вые, навеки бессмертные стяжавшие еще более счастливыми книгами, – вот древняя колыбель нашего рода. Здесь овладел я аттическим наречием⁶, и оно было первым завоеванием моего детства. Вслед за тем прибыл я, новичок в науках, в столицу Лациума⁷ и с огромным трудом, не имея никакого руководителя, одолел родной язык квиритов⁸.

Вот почему прежде всего я умоляю не оскорбляться, если встретятся в моем грубом стиле чужеземные и простонародные выражения. Но ведь само это чередование наречий соответствует искусству мгновенных превращений, а о нем-то я и собрался написать. Начи-наем греческую басню. Внимай, читатель, будешь доволен.

2

Я ехал по делам в Фессалию, так как мать моя родом оттуда, и семейство наше гор-дится происхождением от знаменитого Плутарха⁹ через племянника его Секста-философа¹⁰. Ехал я на местной ослепительно белой лошади, и когда, миновав горные кручи, спуски в долины, луга росистые, поля возделанные, она уже притомилась и я, от сидения уставший, не прочь был размять ноги, – я спешил. Я тщательно листьями отираю пот с лошади, по ушам ее поглаживаю, отпускаю узду и шажком ее проваживаю, пока она усталый желудок обыкновенным и естественным образом не облегчит. И покуда она, наклонив голову набок, искала пищи по лугу, вдоль которого шла, я присоединяюсь к двум путникам, которые шли впереди меня на близком расстоянии, и покуда я слушаю, о чем идет разговор, один из них, расхохотавшись, говорит:

– Уволь от этих басен, таких же нелепых, как и пустых.

Услышав это, я, жадный до всяких новостей, говорю:

¹ ...на милетский манер. – Милетскими рассказами назывались сборники любовных и авантурных новелл, часто объ-единявшихся общей сюжетной рамкой. Этот литературный жанр получил свое название от одноименного сборника, состав-ленного греческим писателем Аристидом Милетским (конец II века до н. э.).

² ...острием нильского тростника. – Остро отточенная тростниковая палочка заменяла древним перо.

³ Гиметта – невысокая гора близ Афин. Апулей употребляет это название в женском роде, так же как и Тенар (см. ниже).

⁴ Эфирейский перешеек – Коринфский перешеек.

⁵ Тенар – мыс на полуострове Пелопоннес к югу от Спарты.

⁶ ...аттическим наречием – то есть греческим языком. Как и его герой, Апулей научился латинскому языку, по-видимому уже будучи взрослым; родной его язык – греческий.

⁷ ...в столицу Лациума – то есть в Рим.

⁸ Квириты – полноправные римские граждане. Апулей нередко употребляет это слово просто в значении «граждане».

⁹ Плутарх – греческий писатель и философ-моралист (конец I – начало II века н. э.); был родом не из Фессалии, а из Беотии, но вполне возможно, что его родня жила в Фессалии – области на севере Греции.

¹⁰ Секст – философ II века н. э., наставник императора Антонина Пия.

– Напротив, продолжай! Разрешите и мне принять участие в вашем разговоре: я не любопытен, но хочу знать если не все, то как можно больше, к тому же приятный и забавный рассказ облегчит нам этот крутой подъем.

3

Тот, кто начал, отвечает:

– Э! Все эти выдумки так же похожи на правду, как если бы кто стал уверять, будто магическое нашептывание заставляет быстрые реки бежать вспять, море – лениво застыть, ветер – лишиться дыхания, солнце – остановиться, луну – покрыться пеной¹¹, звезды – сорваться, день – исчезнуть, ночь – продлиться!

Тогда я говорю увереннее:

– Пожалуйста, ты, который начал рассказ, доканчивай его, если тебе не лень и не надоело. – Потом к другому: – Ты же, заткнув уши и заупрямившись, отвергаешь то, что может быть истинной правдой. Клянусь Геркулесом, ты даже понятия не имеешь, что только предвзятые мнения заставляют нас считать ложным то, что ново слуху, или зрению непривычно, или кажется превышающим наше понимание; если же посмотреть повнимательнее, то обнаружишь, что это все не только для соображения очевидно, но и для исполнения легко.

4

Вот вчера вечером едим мы с товарищами пирог с сыром наперегонки, и хочу я проглотить кусок чуть побольше обычного, как вдруг кушанье, мягкое и липкое, застревает в горле: до того у меня в глотке дыхание сперло – чуть не умер. А между тем недавно в Афинах, у Пестрого портика¹², я собственными глазами видел, как фокусник глотал острием вниз преострейший меч всадника. Вслед за тем он же за несколько грошей охотничье копьё смертоносным концом воткнул себе в кишки. И вот на окованное железом древко перевернутого копья, из горла фокусника торчавшего, на самый конец его, вскочил миловидный отрок и, к удивлению нас, всех присутствовавших, стал извиваться в пляске, словно был без костей и без жил. Можно было принять все это за узловатый жезл бога врачевания¹³ с полутрубленными сучками, который обвила любовными извивами змея плодородия. Но полно! Докончи, прошу тебя, товарищ, историю, что начал. Я тебе один за двоих поверю и в первой же гостинице угощу завтраком; вот какая награда тебя ожидает.

5

А он ко мне:

– Что предлагаешь, считаю справедливым и хорошим, но мне придется начать свой рассказ сызнова. Прежде же поклянусь тебе Солнцем, этим всевидящим божеством, что рассказ мой правдив и достоверен. Да у вас обоих всякое сомнение пропадет, как только вы достигнете ближайшего фессалийского города: там об этой истории только и разговору, ведь события происходили у всех на глазах. Но наперед узнайте, откуда я и кто таков. Меня зовут Аристомен, и родом я с Эгины¹⁴. Послушайте также, чем я себе хлеб добываю: Фессалию, Этолию и Беотию в разных направлениях объезжаю с медом, сыром или другим каким това-

¹¹ ...луну – покрыться пеной. – Существовало поверье, что маги силою своих заклинаний заставляют луну покрываться ядовитой пеной, которую собирают, когда она в виде росы падает на землю.

¹² Пестрый портик – портик в Афинах, украшенный стенной живописью знаменитого греческого художника V века до н. э. Полигнота.

¹³ ...узловатый жезл бога врачевания. – Жезл с обвившейся вокруг него змеей был эмблемой бога врачевания Эскулапа (Асклепия).

¹⁴ Эгина – остров в Сароническом заливе, неподалеку от Афин.

ром для трактирщиков. Узнав, что в Гипате¹⁵, крупнейшем из городов Фессалии, продается по очень сходной цене отличный на вкус, свежий сыр, я поспешил туда, собираясь закупить его весь оптом. Но, как часто бывает, в недобрый час я отправился, и надежды на барыш меня обманули: накануне все скупил оптовый торговец Луп. Утомленный напрасной поспешностью, направился я было с наступлением вечера в бани.

6

Вдруг вижу я товарища моего, Сократа! Сидит на земле, дрянной, изорванный плащ только наполовину прикрывает его тело; почти другим человеком стал: бледность и жалкая худоба до неузнаваемости его изменили, и сделался он похож на тех пасынков судьбы, что на перекрестках просят милостыню. Хотя я его отлично знал и был с ним очень дружен, но, видя его в таком состоянии, я усомнился и подошел поближе.

– Сократ! – говорю. – Что с тобой? Что за вид? Что за плачевное состояние? А дома тебя давно уже оплакали и по имени окликали¹⁶, как покойника! Детям твоим, по приказу верховного судьи провинции, назначены опекуны; жена, помянув тебя как следует, подурневши от непрестанной скорби и горя, чуть не выплакавши глаз своих, уже слышит от родителей побуждения увеселить несчастный дом радостью нового брака. И вдруг ты оказываешься здесь, к нашему крайнему позору, загробным выходцем!

– Аристомен, – ответил он, – право же, не знаешь ты коварных уловок судьбы, непрочных ее милостей и все отбирающих превратностей. – С этими словами лицо свое, давно уже от стыда красневшее, заплатанным и рваным плащом прикрыл, так что оставшуюся часть тела обнажил от пупа до признака мужественности. Я не мог дольше видеть такого жалкого зрелища нищеты и, протянув руку, помог ему подняться.

7

Но тот, как был с покрытой головой:

– Оставь, – говорит, – оставь судьбу насладиться досыта трофеем, который сама себе воздвигла¹⁷.

Я заставляю его идти со мною, немедленно одеваю или, вернее сказать, прикрываю наготу его одной из двух своих одежд, которую тут же снял с себя, и веду в баню; там мази и притирания сам готовлю, старательно соскребаю огромный слой грязи и, вымыв как следует, сам усталый, с большим трудом его, утомленного, поддерживая, веду к себе, постелью грею, пищей ублажаю, чашей подкрепляю, рассказами забавляю.

Уж он склонился к разговору и шуткам, уж раздавались остроты и злословие, пока еще робкое, как вдруг, испустив из глубины груди мучительный вздох и хлопнув яростно правой рукою по лбу:

– О, я несчастный! – воскликнул он. – Предавшись страсти к гладиаторским зрелищам, уже достаточно прославленным, в какие бедствия впал я! Ведь, как ты сам отлично знаешь, приехав в Македонию по прибыльному делу, которое задержало меня там месяцев на девять,

¹⁵ Гипата – город в Южной Фессалии, ныне Ипати.

¹⁶ ...уже оплакали и... окликали. – Один из погребальных обрядов у древних заключался в том, что близкие покойного несколько раз окликали его по имени, прежде чем вынести тело из дома.

¹⁷ ...трофеем, который сама себе воздвигла. – Трофеем назывался у древних памятник, воздвигавшийся победителем на поле битвы в память о своей победе и первоначально представлявший собою сложенное в кучу оружие, отнятое у врага. Позже римляне стали воздвигать трофеи прямо в Риме, на Капитолии, и вражеское оружие служило лишь украшением памятника.

я отправился обратно с хорошим барышом. Я был уже недалеко от Лариссы¹⁸ (по пути хотел я на зрелищах побывать), когда в уединенном глубоком ущелье напали на меня лихие разбойники. Хоть дочиста обобрали – однако спасся. В таком отчаянном положении заворачиваю я к старой, но до сих пор еще видной собою кабатчице Мерое. Ей я рассказываю о причинах и долгой отлучки из дому, и страхов на обратном пути, и злосчастного ограбления. Она приняла меня более чем любезно, даром накормила хорошим ужином и вскоре, побуждаемая похотью, пригласила к себе на кровать. Тотчас делаюсь я несчастным, так как, переспав с ней только разочек, уже не могу отделаться от этой чумы. Все в нее всадила: и лохмотья, что добрые разбойники на плечах у меня оставили, и гроши, что я зарабатывал как грузчик, когда еще сила была, – пока эта добрая женщина и злая судьба не довели меня до такого состояния, в каком ты меня только что видел.

8

– Ну, – говорю я, – вполне ты этого заслуживаешь, и еще большего, если может быть большее несчастье, раз любострастные ласки и потаскуху потасканную детям и дому предпочел!

Но он, следующий за большим палец ко рту приложив, ужасом пораженный:

– Молчи, молчи! – говорит. И озирается, не слышал ли кто. – Берегись, – говорит, – вещей жены! Как бы невозддержанный язык беды на тебя не накликал!

– Еще что! – говорю. – Что же за женщина эта владычица и кабацкая царица?

– Ведьма, – говорит, – и колдунья: власть имеет небо спустить, землю подвесить, ручьи твердыми сделать, горы расплавить, покойников вывести, богов низвести, звезды загасить, самый Тартар осветить!

– Ну тебя, – отвечаю, – опусти трагический занавес и сложи эту театральную ширму¹⁹, говори-ка попросту.

– Хочешь, – спрашивает, – об одной, о другой, – да что там! – о тьме ее проделок послушать? Воспламенить к себе любовью жителей не только этой страны, но Индии, обеих Эфиопий²⁰, даже самых антихтонов²¹ – для нее пустяки, детские игрушки! Послушай, однако, что она сделала на глазах у многих.

9

Любовника своего, посмеявшего полюбить другую женщину, единым словом она обратила в бобра, так как зверь этот, когда ему грозит опасность быть захваченным, спасается от погони, лишая себя детородных органов; она надеялась, что и с тем случится нечто подобное, за то что на сторону понес свою любовь. Кабатчика одного соседнего, и, значит, конкурента, обратила она в лягушку. И теперь этот старик, плавая в своей винной бочке, прежних посетителей своих из гущи хриплым и любезным кваканьем приглашает. Судейского одного, который против нее высказался, в барана она обратила, и теперь тот так бараном и ведет дела. А вот еще: жена одного из ее любовников позлословила как-то о ней, а сама была

¹⁸ Ларисса – город в Фессалии, носящий ныне то же название.

¹⁹ ...опусти трагический занавес и сложи эту театральную ширму. – Во времена Апулея театральные занавесы перед началом представления не раздвигали, а убрали под сценическую площадку. Ширмой в переводе назван дополнительный занавес, которым пользовались в перерывах между действиями.

²⁰ ...жителей... обеих Эфиопий. – По представлениям древних, Эфиопия была сказочной страной, простиравшейся к западу и к востоку до краев земли и разделявшейся на две части рекою Нилом.

²¹ Антихтоны – жители противоположного полушария, для древних такие же сказочные существа, как эфиопы.

беременна – на вечную беременность осудила она ее, заключив чрево и остановив зародыш. По общему счету, вот уже восемь лет, как бедняжка эта, животом отягощенная, точно слонем собирается разрешиться.

10

Это последнее злодеяние и зло, которое она многим продолжала причинять, наконец возбудили всеобщее негодование, и было постановлено в один прекрасный день назавтра жестоко отомстить ей, побив камнями, но этот план она заранее расстроила силою заклинаний. Как пресловутая Медея²², выпросив у Креонта только денечек отсрочки, все его семейство, и дочь, и самого старца, пламенем, вышедшим из венца, сожгла, – так и эта, совершив над ямой погребальные моления²³ (как мне сама недавно в пьяном виде сказывала), с помощью тайного насилия над божествами, всех жителей в их же собственных домах заперла, так что целых два дня не могли они ни замков сбить, ни выломать дверей, ни даже стен пробуравить, пока наконец, по общему уговору, в один голос не возопили, клянясь священной клятвой, что не только не подымут на нее руки, но придут к ней на помощь, если кто замыслит иное. На этих условиях она смилостивилась и освободила весь город. Что же касается зачинщика всей этой выдумки, то его она в глухую ночь, запертым, как он был, со всем домом – со стенами, самой почвой, с фундаментом, перенесла за сто верст в другой город, расположенный на самой вершине крутой горы и лишенный поэтому воды. А так как тесно стоявшие жилища не давали места новому пришельцу, то, бросив дом перед городскими воротами, она удалилась.

11

– Странные, – говорю, – вещи и не менее ужасные, мой Сократ, ты рассказываешь. В конце концов ты меня вогнал в немалое беспокойство, даже в страх, я уже не сомнения ощущаю, а словно удары ножа, как бы та старушонка, воспользовавшись услугами какого-нибудь божества, нашего не узнала разговора. Ляжем-ка поскорее спать и, отдохнув, до света еще уберемся отсюда как можно дальше!

Я еще продолжал свои убеждения, а мой добрый Сократ уже спал и храпел вовсю, устав за день и выпив вина, от которого отвык. Я же запираю комнату, проверяю засовы, потом приставляю кровать плотно к дверям, чтобы загородить вход, и ложусь на нее. Сначала от страха я довольно долго не сплю, потом, к третьей страже²⁴, слегка глаза смыкаться начинают.

Только что заснул, как вдруг с таким шумом, что и разбойников не заподозришь, двери распахнулись, скорее, были взломаны и сорваны с петель. Кроватишка, и без того-то коротенькая, хромая на одну ногу и гнилая, от такого напора опрокидывается и меня, вывалившегося и лежащего на полу, всего собою прикрывает.

²² Медея – легендарная волшебница, героиня многих мифов, один из которых рассказывает, что, когда муж ее, Ясон, захотел жениться вторично, его будущий тесть, коринфский царь Креонт, решил изгнать Медею из страны. Получив день отсрочки, Медея преподнесла невесте в подарок венок, погубивший и дочь Креонта, и самого царя.

²³ ...совершив над ямой погребальные моления. – Древние верили, что колдуны, совершая над ямой особые обряды, вызывают из преисподней богов подземного мира и души усопших.

²⁴ ...к третьей страже. – Ночь у римлян делилась на четыре стражи (с шести часов вечера до шести часов утра) – соответственно времени пребывания на посту солдата при несении караульной службы. Третья стража начиналась приблизительно в полночь.

12

Тут я понял, что некоторым переживаниям от природы свойственно приводить к противоречащим им последствиям. Как частенько слезы от радости бывают, так и я, превратившись из Аристомена в черепаху, в таком вот ужасе не мог удержаться от смеха. Пока, валяясь в грязи под прикрытием кровати, смотрю украдкой, что будет дальше, вижу двух женщин пожилых лет. Зажженную лампу несет одна, губку и обнаженный меч – другая, и вот они уже останавливаются около мирно спящего Сократа. Начала та, что с мечом:

– Вот, сестра Пантия, дорогой Эндимион²⁵; вот котик мой, что ночи и дни моими молодыми годочками наслаждался, вот тот, кто любовь мою презирал и не только клеветой меня пятнал, но замыслил прямое бегство. А я, значит, как хитрым Улиссом брошенная, вроде Калипсо²⁶, буду оплакивать вечное одиночество! – А потом, протянув руку и показывая на меня своей Пантии, продолжала: – А вот добрый советчик, Аристомен, зачинщик бегства, что ни жив ни мертв теперь на полу лежит, из-под кровати смотрит на все это и думает безнаказанным за оскорбления, мне нанесенные, остаться! Но я позабочусь, чтобы он скоро, – да нет! – сейчас и даже сию минуту понес наказание за вчерашнюю болтовню и за сегодняшнее любопытство!

13

Как я это услышал, холодным потом, несчастный, покрылся, все внутренности затряслись, так что сама кровать от беспокойных толчков на спине моей, дрожа, затанцевала. А добрая Пантия говорит:

– Отчего бы нам, сестра, прежде всего не растерзать его, как вакханкам²⁷, или, связав по рукам и по ногам, не оскотить?

На это Мероя (теперь я отгадал ее имя, так как описания Сократа и в самом деле к ней подходили) отвечает:

– Нет, его оставим в живых, чтобы было кому горстью земли покрыть тело этого несчастного.

И, повернув направо Сократову голову, она в левую сторону шеи ему до рукоятки погрузила меч и излившуюся кровь старательно приняла в поднесенный к ране маленький мех, так, чтобы нигде ни одной капли не упало. Своими глазами я это видел. К тому же (для того, думаю, чтобы ничего не опустить в обряде жертвоприношения²⁸) добрая Мероя, запустив правую руку глубоко, до самых внутренностей, в рану и покопавшись там, вынула сердце моего несчастного товарища. Горло его ударом меча было рассечено, и какой-то звук, вернее, хрип неопределенный из раны вырвался, и он испустил дух. Затыкая эту разверстую рану в самом широком ее месте губкой, Пантия сказала:

²⁵ Эндимион – по преданию, прекрасный юноша, погруженный в вечный сон; возлюбленный богини Луны.

²⁶ ...как хитрым Улиссом брошенная, вроде Калипсо. – Нимфа Калипсо семь лет удерживала на своем острове Одиссея (Улисса), не давая ему вернуться на родину. Впрочем, Одиссей покинул Калипсо не тайком и не хитростью, а открыто, повинувшись приказу богов.

²⁷ Вакханки – женщины, сопровождавшие Диониса-Вакха, бога вина и веселья, и впадавшие в «священное безумие»; их изображали полураздетыми, с накинутой на плечи или бедра шкурой диких животных и с жезлом (тирсом), увитым виноградом, в руках.

²⁸ ...чтобы ничего не опустить в обряде жертвоприношения. – При жертвоприношении жрецы извлекали печень, легкие и сердце принесенного в жертву животного и рассматривали их, чтобы по особым приметам установить, принята ли жертва богами.

– Ну, ты, губка, бойся, в море рожденная, через реку переправляться²⁹! – После этого, отодвинув кровать и расставя над моим лицом ноги, они принялись мочиться, пока зловоннейшей жидкостью меня всего не залили.

14

Лишь только они переступили порог, и вот уже двери встают в прежнее положение как ни в чем не бывало, петли опять заходили, брусья запоров снова вошли в косяки, задвижки вернулись на свои места. Я же как был, так и остался на полу простертый, бездыханный, голый, иззябший, залитый мочой, словно только что появившийся из материнского чрева или, вернее, полумертвый, переживший самого себя, как последыш или, по крайней мере, преступник, для которого уже готов крест³⁰.

– Что будет со мною, – произнес я, – когда утром обнаружится этот зарезанный? Кто найдет мои слова правдоподобными, хоть я и буду говорить правду? «Звал бы, скажут, на помощь, по крайней мере, если ты, такой здоровенный малый, не мог справиться с женщиной! На твоих глазах режут человека, а ты молчишь! Почему же сам ты не погиб при таком разбое? Почему свирепая жестокость пощадила свидетеля преступления и доносчика? Но, хотя ты и избег смерти, теперь к товарищу присоединишься».

Подобные мысли снова и снова приходили мне в голову; а ночь близилась к утру. Наилучшим мне показалось до свету выбраться тайком и пуститься в путь, хотя бы ощупью. Беру свою сумку и, вставив в скважину ключ, стараюсь отодвинуть задвижку. Но эти добрые и верные двери, что ночью сами собою раскрывались, только после долгой возни с ключом насили под конец дали мне дорогу.

15

Я закричал:

– Эй, есть тут кто? Откройте мне калитку: до свету хочу выйти!

Привратник, позади калитки на земле спавший, говорит спросонья:

– Разве ты не знаешь, что на дорогах беспокойно – разбойники попадают! Как же ты так ночью в путь пускаешься? Если у тебя такое преступление на совести, что ты умереть хочешь, так у нас-то головы не тыквы, чтобы из-за тебя умирать!

– Недолго, – говорю, – до света. К тому же что могут отнять разбойники у такого нищего путника? Разве ты, дурак, не знаешь, что голого раздеть десяти силачам не удастся?

На это он, засыпая и повернувшись на другой бок, еле языком ворочая, отвечает:

– Почем я знаю, может быть, ты зарезал своего товарища, с которым вчера вечером пришел на ночлег, и думаешь спастись бегством?

При этих словах (до сих пор помню) показалось мне, что земля до самого Тартара разверзлась и голодный пес Цербер готов растерзать меня. Тогда я понял, что добрая Мероя не из жалости меня пощадила и не зарезала, а от жестокости для креста сохранила.

²⁹ ...бойся, в море рожденная, через реку переправляться! – Смысл этого заклинания раскрывается в гл. 19 первой книги.

³⁰ ...готов крест. – Имеется в виду орудие казни.

16

И вот, вернувшись в комнату, стал я раздумывать, каким способом лишиться себя жизни. Но так как судьба никакого другого смертоносного орудия, кроме одной только моей кровати, не предоставила, то начал я:

– Кровать моя, кровать, дорогая сердцу моему, ты со мной столько несчастий претерпела, ты по совести знаешь, что ночью свершилось, тебя одну могу на суде я назвать свидетельницей моей невинности. Мне, в преисподнюю стремящемуся, облегчи туда дорогу! – И с этими словами я отдираю от нее веревку, которая на ней была натянута³¹; закинув и прикрыв ее за край стропила, который выступал под окном³², на другом конце делаю крепкую петлю, влезая на кровать и, на погибель себе так высоко забравшись, петлю надеваю, всунув в нее голову. Но когда я ногой оттолкнул опору, чтобы под тяжестью тела петля сама затянулась у горла и прекратила мое дыхание, внезапно веревка, и без того уже гнилая и старая, обрывается, и я лечу с самого верха, обрушиваясь на Сократа, что около меня лежал, и, падая, вместе с ним качусь на землю.

17

Как раз в эту минуту врывается привратник, крича во все горло:

– Где же ты? Среди ночи приспичило тебе уходить, а теперь хранишь, закутавшись?

Тут Сократ, разбуженный, не знаю уж, падением ли нашим или его неистовым криком, первым вскочил и говорит:

– Недаром все постояльцы терпеть не могут трактирщиков! Этот нахал вламывается сюда, наверное, чтобы стащить что-нибудь, и меня, усталого, будит от глубокого сна своим оранием.

Я весело и бодро поднимаюсь, неожиданным счастьем переполненный.

– Вот, надежный привратник, мой товарищ, отец мой и брат. А ты с пьяных глаз болтал ночью, будто я его убил! – С этими словами я, обняв Сократа, принялся его целовать. Но отвратительная вонь от жидкости, которою меня те ламии³³ залили, ударила ему в нос, и он с силой оттолкнул меня.

– Прочь, – говорит он, – несет, как из отхожего места!

И начал меня участливо расспрашивать о причинах этого запаха. А я, несчастный, отделившись кое-как наспех придуманной шуткой, стараюсь перевести его внимание на другой предмет и, обняв его, говорю:

– Пойдем-ка! Почему бы нам не воспользоваться утренней свежестью для пути? – Я беру свою котомку, и, расплатившись с трактирщиком за постой, мы пускаемся в путь.

18

Мы шли уже довольно долго, и восходящее солнце все освещало. Я внимательно и с любопытством рассматривал шею своего товарища, то место, куда вонзили, как я сам видел, меч. И подумал про себя: «Безумец, до чего же ты напился, если тебе привиделись такие

³¹ ...веревку, которая на ней была натянута. – Кровать представляла собой деревянную раму с веревочной сеткой.

³² ...край стропила, который выступал под окном. – Как показывают раскопки, окна в домах часто находились под самым потолком и напоминали собой слуховые оконца.

³³ Ламии – сказочные чудовища, пожиравшие по ночам юношей и пившие их кровь. Так же назывались в народных преданиях злые колдуньи.

странности! Вот Сократ: жив, цел и невредим. Где рана? Где губка? И где, наконец, шрам, такой глубокий, такой свежий?» Потом, обращаясь к нему, говорю:

– Недаром опытные врачи тяжелые и страшные сны приписывают обжорству и пьянству! Вчера, к примеру, не считал я кубков, вот и была у меня жуткая ночь с ужасными и жестокими сновидениями – до сих пор мне кажется, будто я весь залит и осквернен человеческой кровью!

На это он, улыбнувшись, заметил:

– Не кровью, а мочой! А впрочем, мне и самому приснилось, будто меня зарезали. И горло болело, и казалось, само сердце у меня вырывают: даже теперь дух замирает, колени трясутся, шаг нетверд, и хочется для подкрепления съесть чего-нибудь.

– Вот тебе, – отвечаю, – и завтрак! – С этими словами я снимаю с плеч свою сумку и поспешно протягиваю ему хлеб с сыром. – Сядем, – говорю, – у этого платана.

19

Мы уселись, и я тоже принимаюсь за еду вместе с ним. Смотрю я на него, как он с жадностью ест, и замечаю, что все черты его заостряются, лицо смертельно бледнеет и силы покидают его. Живые краски в его лице так изменились, что мне показалось, будто снова приближаются к нам ночные фурии, и от страха кусочек хлеба, который я откусил, как ни мал он был, застрял у меня в горле и не мог ни вверх подняться, ни вниз опуститься. Видя, как мало на дороге прохожих³⁴, я все больше и больше приходил в ужас. Кто же поверит, что убийство одного из двух путников произошло без участия другого? Между тем Сократ, наевшись до отвала, стал томиться нестерпимой жаждой. Ведь он сожрал добрую половину превосходного сыра. Невдалеке от платана протекала медленная речка, вроде тихого пруда, цветом и блеском похожая на серебро или стекло.

– Вот, – говорю, – утоли жажду молочной влагой этого источника.

Он поднимается, быстро находит удобное местечко, на берегу становится на колени и, наклонившись, жадно тянется к воде. Но едва только краями губ коснулся он поверхности воды, как рана на шее его широко открывается, губка внезапно из нее выпадает и вместе с нею несколько капель крови. Бездыханное тело полетело бы в воду, если бы я его, удержав за ногу, не вытянул с трудом на высокий берег, где, наскоро оплавав несчастного спутника, песчаной землею около реки навеки его и засыпал. Сам же в ужасе, трепеща за свою безопасность, разными окольными и пустынными путями я убегаю и, словно действительно у меня на совести убийство человека, отказываюсь от родины и родимого дома, приняв добровольное изгнание. Теперь, снова женившись, я живу в Этолии³⁵.

20

Вот что рассказал Аристомен.

Но спутник его, который с самого начала с упорной недоверчивостью относился к рассказу и не хотел его слушать, промолвил:

– Нет ничего баснословнее этих басен, нелепее этого вранья! – Потом, обратившись ко мне: – И ты, по внешности и манерам образованный человек, веришь таким басням?

– Я, по крайней мере, – отвечаю, – ничего не считаю невозможным, и, по-моему, все, что решено судьбою, со смертными и совершается. И со мною ведь, и с тобою, и со всяким

³⁴ Видя, как мало на дороге прохожих... – Аристомен боится, что у него не окажется свидетелей, которые могли бы подтвердить его невиновность в случае смерти Сократа.

³⁵ Этолия – область в Средней Греции, к северо-западу от Аттики.

часто случаются странные и почти невероятные вещи, которым никто не поверит, если рассказать их неиспытавшему. Но я этому человеку и верю, клянусь Геркулесом, и большой благодарностью благодарен за то, что он доставил нам удовольствие, позабавив интересной историей: я без труда и скуки скоротал тяжелую и длинную дорогу. Кажется, даже лошадь моя радуется такому благодеянию: ведь до самых городских ворот я доехал, не утруждая ее, скорее на своих ушах, чем на ее спине.

21

Тут пришел конец нашему пути и вместе с тем разговорам, потому что оба моих спутника свернули налево, к ближайшей усадьбе, а я, войдя в город, подошел к первой попавшейся мне на глаза гостинице и тут же начал расспрашивать старуху хозяйку.

– Не Гипата ли, – говорю, – этот город?

Подтвердила.

– Не знаешь ли Милона, одного из первых здесь людей?

Рассмеялась.

– И вправду, – говорит, – первейшим гражданином считается здесь Милон: ведь дом его первый из всех по ту сторону городских стен стоит.

– Шутки в сторону, добрая тетушка, скажи, прошу тебя, что он за человек и где обитает?

– Видишь, – говорит, – крайние окна, что на город смотрят, а с другой стороны, рядом, ворота в переулок выходят? Тут этот Милон и обитает, набит деньгами, страшный богачей, но скуп донельзя и всем известен как человек преподлый и прегрязный; больше всего ростовщицеством занимается, под залог золота и серебра проценты большие дерет; одной наживе преданный, заперся он в своем домишке и живет там с женой, разделяющей с ним его несчастную страсть. Только одну служаночку держит и ходит всегда что нищий.

На это я, рассмеявшись, подумал: вот так славную и предусмотрительную мой Демей дал мне в дорогу рекомендацию. К такому человеку послал, в гостеприимном доме которого нечего бояться ни чада, ни кухонной вони.

22

Дом был рядом, приближаюсь я ко входу и с криком начинаю стучать в накрепко закрытую дверь. Наконец является какая-то девушка.

– Эй, ты, – говорит, – что в двери барабанишь? Под какой залог взаймы брать хочешь? Один ты, что ли, не знаешь, что, кроме золота и серебра, у нас ничего не принимают?

– Взаймы? Ну нет, пожелай мне, – говорю, – чего-нибудь получше и скорее скажи, застану ли дома твоего хозяина?

– Конечно, – отвечает, – а зачем он тебе нужен?

– Письмо я принес ему от Демеи из Коринфа.

– Сейчас доложу, – отвечает, – подожди меня здесь. – С этими словами заперла она снова двери и ушла внутрь. Через несколько минут вернулась и, открыв двери, говорит: – Просят.

Вхожу, вижу, что хозяин лежит на диванчике и собирается обедать³⁶. В ногах сидит жена и, указав на пустой стол:

– Вот, – говорит, – милости просим.

³⁶ ...хозяин лежит на диванчике и собирается обедать. – По древнему обычаю, мужчины за столом лежали, а женщины сидели.

– Прекрасно, – отвечаю я и тут же передаю хозяину письмо Демеи. Пробежав его, он говорит:

– Спасибо моему Демее, какого гостя он мне послал!

23

С этими словами он велит жене уступить мне свое место. Когда же я отказываюсь из скромности, он, схватив меня за полу:

– Садись, – говорит, – здесь; других стульев у меня нет, боязнь воров не позволяет нам приобретать утварь в достаточном количестве.

Я исполнил его желание. Тут он:

– По изящной манере держаться и по этой почти девической скромности заключил бы я, что ты благородного корня отпрыск, и, наверное, не ошибся бы. Да и Демея мой в своем письме это же самое сообщает. Итак, прошу, не презирай скудость нашей лачужки. Вот эта комната рядом будет для тебя вполне приличным помещением. Сделай милость – останись у нас. Честь, которую ты окажешь моему дому, возвеличит его, и тебе будет случай последовать славному примеру: удовольствуясь скромным очагом, ты в добродетели будешь подражать Тезею (прославленному тезке твоего отца), который не пренебрег простым гостеприимством старой Гекалы³⁷. – И, позвавши служаночку, говорит: – Фотида, прими вещи гостя и сложи их бережно в ту комнату. Потом принеси из кладовой масла для натирания, полотенце утереться и все прочее и своди моего гостя в ближайшие бани – устал он после такого дальнего и трудного пути.

24

Слушая эти распоряжения, я подумал о характере и скупости Милона и, желая теснее с ним сблизиться, говорю:

– У меня все есть, что нужно в пути. И бани я легко сам найду. Всего важнее, чтобы лошадь моя, что так старалась всю дорогу, не осталась голодной. Вот, Фотида, возьми эти деньжонки и купи овса и сена.

После этого, когда вещи уже были сложены в моей комнате, сам я отправляюсь в бани, но прежде надо о еде позаботиться, и я иду на рынок за продуктами. Вижу, выставлена масса прекрасной рыбы. Стал торговаться – вместо ста нуммов уступили за двадцать денариев³⁸. Я уже собирался уходить, как встречаю своего товарища Пифия, с которым вместе учился в аттических Афинах. Сначала он довольно долго не узнает меня, потом бросается ко мне, обнимает и осыпает поцелуями.

– Луций мой! – говорит. – Как долго мы не видались, право, с самого того времени, как расстались с Клитием, учителем нашим. Что занесло тебя сюда?

– Завтра узнаешь, – говорю, – но что это? Тебя можно поздравить? Вот и ликторы³⁹ и розги, – ну, словом, весь чиновный прибор!

³⁷ Тезею... который не пренебрег... гостеприимством... Гекалы. – Легендарный герой Тезей ночевал однажды в доме бедной старушки Гекалы, принявшей его необыкновенно ласково и гостеприимно.

³⁸ ...вместо ста нуммов уступили за двадцать денариев. – Сто нуммов (или сестерциев) были равны двадцати пяти денариям или одному золотому.

³⁹ Ликторы – почетная охрана, сопровождавшая важных должностных лиц. За Пифием, разумеется, шли простые слуги, но, подобно ликторам, они держали в руках связки прутьев.

– Продовольствием занимаемся, – отвечает, – исполняем обязанности эдила⁴⁰. Если хочешь закупить что, могу быть полезен.

Я отказался, так как уже достаточно запасся рыбой на ужин. Тем не менее Пифий, заметив корзинку, стал перетряхивать рыбу, чтобы лучше рассмотреть ее, и спрашивает:

– А это дрянцо почему брал?

– Насилу, – говорю, – уломал рыбака уступить мне за двадцать денариев.

25

Услышав это, он тотчас хватается за правую руку и снова ведет на рынок.

– А у кого, – спрашивает, – купил ты эти отбросы?

Я указываю на старикашку, что в углу сидел. Тут же он на того набросился и стал грубейшим образом распекать его по-эдильски:

– Так-то обращаетесь вы с нашими друзьями, да и вообще со всеми приезжими! Продаете паршивых рыб по такой цене! До того этот город, цвет Фессалийской области, доведете, что опустеет он, как скала! Но даром вам это не пройдет! Узнаешь ты, как под моим началом расправляются с мошенниками! – И, высыпав из корзинки рыбу на землю, велел он своему помощнику стать на нее и всю растоптать ногами. Удовольствовавшись такою строгостью, мой Пифий разрешает мне уйти и говорит: – Мне кажется, мой Луций, для старикашки достаточное наказание такой позор!

Изумленный и прямо-таки ошеломленный этим происшествием, направляюсь я к баням, лишившись благодаря остроумной выдумке моего энергичного товарища и денег и ужина. Вымывшись, возвращаюсь я в дом Милона и прямо прохожу в свою комнату.

26

Тут Фотида, служанка, говорит:

– Зовет тебя хозяин.

Зная уже Милонову умеренность, я вежливо извиняюсь, что, мол, дорожная усталость скорее сна, чем пищи, требует. Получив такой ответ, он сам является и, обняв меня, тихонько увлекает. Я то отговариваюсь, то скромно упираюсь.

– Без тебя, – говорит, – не выйду. – И клятвой подтвердил эти слова. Я нехотя повинуюсь его упрямству, и он снова ведет меня к своему диванчику и, усадив, начинает: – Ну, как поживает наш Демей? Что жена его, что дети, домочадцы?

Рассказываю по отдельности обо всех. Расспрашивает подробно о целях моего путешествия. Все обстоятельно ему сообщаю. Тщательнейшим образом тогда разузнает он о моем родном городе, о самых знатных его гражданах, а под конец даже о нашем правителе⁴¹, пока не заметил, что, сильно измученный трудной дорогой, я утомился долгим разговором и засыпаю посреди фразы, бормоча что-то невнятное, и не отпустил меня в спальню. Так избавился я от мерзкого старика с его болтливостью и голодным угощением, отягченный сном, не пищею, поужинав одними баснями. И, вернувшись в комнату, я предался желанному покою.

⁴⁰ ...исполняем обязанности эдила. – В обязанности эдилов в Римской империи входил надзор за порядком в городе, в частности на рынках.

⁴¹ ...о нашем правителе... – то есть о римском наместнике провинции Ахайя (так называлась покоренная римлянами Греция), резиденцией которого был Коринф.

Книга вторая

1

Как только ночь рассеялась и солнце новый день привело, расстался я одновременно со сном и с постелью. И вообще-то я человек беспокойный и неумеренно жадный до всего редкостного и чудесного. А теперь, при мысли, что я нахожусь в сердце Фессалии, единогласно прославленной во всем мире как родина магического искусства⁴², держа в памяти, что история, рассказанная добрым спутником Аристоменом, начинается с упоминания об этом городе, я с любопытством оглядывал все вокруг, возбужденный желанием, смешанным с нетерпением. Вид любой вещи в городе вызывал у меня подозрения, и не было ни одной, которую я считал бы за то, что она есть. Все мне казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по которым я ступал, представлялись мне окаменевшими людьми; и птицы, которым внимал, – тоже людьми, но оперенными; деревья вокруг городских стен – подобными же людьми, но покрытыми листьями; и ключевая вода текла, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины начнут ходить, стены говорить, быки и прочий скот прорицать и с самого неба, со светила дневного, внезапно раздается предсказание.

2

Так все обзираю я, пораженный, и только что чувств не лишаюсь от мучительного любопытства, но не вижу никакого признака близкого осуществления моих ожиданий. Брожу я, как праздный бездельник, от двери к двери и незаметно для себя прихожу на рынок. Тут, ускорив шаг, догоняю какую-то женщину, окруженную многочисленными слугами. Золото, которым были оправлены ее драгоценности и заткана одежда, без сомнения, выдавало знатную матрону. Бок о бок с ней шел старик, обремененный годами, который, как только увидел меня, воскликнул:

– Клянусь Геркулесом, это Луций! – поцеловал меня и тотчас зашептал что-то, не знаю что, на ухо матроне. – Что же, – говорит он мне, – ты сам не подойдешь и не поздороваяешься со своей родственницей?

– Я не смею, – говорю, – здороваться с женщинами, которых не знаю. – И тотчас, покраснев, опустил голову и отступил. Но та, остановив на мне свой взор, начала:

– Вот она, благородная скромность добродетельной Сальвии, его матери, да и во всем его облике поразительное, точнейшее с нею сходство: соразмерный рост, стройность без худобы, румянец не слишком яркий, светлые, от природы выющиеся волосы, глаза голубые, но зоркие и блестящие – ну прямо как у орла, лицо, откуда ни посмотри, – цветник юности, чарующая и свободная поступь!

⁴² ...родина магического искусства. – Фессалия считалась одной из тех областей Греции, где в особенности процветала черная магия. Обычно колдовство было направлено на то, чтобы приворожить мужчину или вернуть изменника к прежней любви.

3

Я, мой Луций, – продолжала она, – тебя воспитала вот этими самыми руками. Да как же иначе? Я не только родственница, я – молочная сестра твоей матери. Обе мы из рода Плутарха, одна у нас была кормилица, и выросли мы вместе, как две сестры; разница между нами только в положении: она вышла замуж за очень знатного человека, я – за скромного. Я – та Биррена, имя которой, частенько повторяемое твоими воспитателями, наверное, ты запомнил. Прими же доверчиво мое гостеприимство или, вернее, считай мой дом своим.

Я, перестав краснеть во время этой речи, отвечаю:

– Не годится, тетушка, отказываться от гостеприимства Милона без всякого повода. Но я буду посещать тебя так часто, как позволят дела. В другой раз, сколько бы сюда ни приезжал, кроме тебя, ни у кого не останавлиюсь. – Обмениваясь такими речами, через несколько шагов мы оказались у дома Биррены.

4

В прекраснейшем атриуме – в каждом из четырех его углов – поднималось по колонне, украшенной изображением богини с пальмовой ветвью⁴³. Распустив крылья, богини оставались неподвижны; чудилось, что, едва касаясь нежной стопой шаткой опоры – катящегося шара, – они лишь на мгновение застыли на нем и готовы уже вновь подняться в воздух. Самую середину комнаты занимала Диана из паросского камня превосходной работы, с развевающимися одеждами, в стремительном движении навстречу входящим, внушая почтение своим божественным величием. С обеих сторон сопровождают ее собаки, тоже из камня. Глаза грозят, уши насторожены, раздуты ноздри, зубы оскалены. Если где-нибудь поблизости раздастся лай, подумаешь, он из каменных глоток исходит. Мастерство превосходного скульптора выразилось больше всего в том, что передние лапы у собаки взметнулись в воздух вместе с высоко поднятой грудью и как будто бегут, меж тем как задние опираются на землю. За спиной богини высилась скала в виде грота, украшенная мхом, травой, листьями, ветками, тут – виноградом, там – растущим по камням кустарником. Тень, которую бросает статуя внутрь грота, рассеивается от блеска мрамора. По краю скалы яблоки и виноград висели, превосходно сделанные, в правдивом изображении которых искусство соперничало с природой. Подумаешь, их можно будет сорвать для пищи, когда зрелым цветом ожелтит их осень в пору сбора винограда. Если наклонишься к ручейку, который, выбегая из-под ног богини, журчал звонкой струей, согласишься, что этим гроздьям, кроме прочей правдоподобности, придана и трепещущая живость движения, как будто они свисают с настоящей лозы. Среди ветвей – Актеон⁴⁴, высеченный из камня: наполовину уже превращенный в оленя, смотрит он внимательно на богиню, подстерегая, когда Диана начнет купаться, и его отражение видно и в мраморе грота, и в бассейне.

5

Пока я не отрываясь гляжу на это, получая огромное наслаждение, Биррена говорит:

⁴³ ...богини с пальмовой ветвью – богини победы.

⁴⁴ Актеон. – Миф рассказывает, что охотник Актеон, который увидел богиню Диану нагой во время купания, был в наказание превращен богиней в оленя и растерзан собственными собаками.

– Все, что видишь, – твое. – С этими словами она всех высылает, желая поговорить со мной наедине. Когда все ушли, она начинает: – Эта богиня⁴⁵ – порука, Луций дражайший, как я тревожусь и боюсь за тебя и как хочу, словно родного сына, избавить тебя от опасности. Берегись, ой, берегись злого искусства и преступных чар этой Памфилы, жены Милона, который, говоришь, твой хозяин. Первой ведьмой она считается и мастерицей заклинать души умерших. Нашепчет на палочку, на камешек, на какой другой пустяк – и весь звездный свод в Тартар низринет и мир погрузит в древний хаос. Как только увидит юношу красивой наружности, тотчас пленяется его прелестью и приковывается к нему душой и взором. Обольщает его, овладевает его сердцем, навеки связывает узами ненасытной любви. Если же кто воспротивится и пренебрежет ею, тотчас обращает в камень, в скотину, в любого зверя или же совсем уничтожает. Вот почему я трепещу от страха за тебя и советую тебе остерегаться. Она непрестанно томится похотью, а ты по возрасту и красоте ей подходишь. – Так Биррена со мной взволнованно беседовала.

6

А я, и так полный любопытства, лишь только услышал давно желанные слова «магическое искусство», как, вместо того чтобы избегать козней Памфилы, всю душу стал стремиться за любую цену отдать себя ей под начало, готовый стремглав броситься в бездну. Вне себя от нетерпения, я вырываюсь из рук Биррены, как из оков, и, наскоро сказав: «Прости!», лечу с быстротой к Милонову дому. Ускоряя шаги, как безумный: «Действуй, Луций, – говорю сам себе, – не зевай и держись! Вот тебе желанный случай, теперь можешь насытиться давно ожидаемыми чудесными сказками! Отбрось детские страхи, смело и горячо берись за дело, но от объятий твоей хозяйки воздержись и считай священным ложе честного Милона! Однако надо усиленно постараться насчет служанки Фотиды. Она ведь и лицом привлекательна, и нравом резва, и на язык очень остра. Вчера вечером, когда ты падал от сна, как заботливо проводила она тебя в спальню, уложила ласково на постель, хорошо и так любовно укрыла, поцеловала тебя в лоб и, всем видом своим показав, с какой неохотой уходит, наконец удалилась, столько раз оборачиваясь и оглядываясь! Что ж, в добрый час, будь что будет, попытаю счастья с Фотидой!»

7

Так рассуждая, достиг я дверей Милона, голосуя, как говорится, за свое предложение. Но не застаю дома ни Милона, ни его жены, только дорогую мою Фотиду. Она готовила хозяевам колбасу, набивая ее мелко накрошенной начинкой, и мясо мелкими кусочками...⁴⁶ Даже издали носом слышу я вкуснейший запах этого кушанья. Сама она, опрятно одетая в полотняную тунику, высоко, под самые груди ярким красным поясом опоясанная, цветущими ручками размешивала стряпню в горшке, круговое движение это частыми вздрагиваниями сопровождая; всем членам передавалось плавное движение – едва заметно бедра трепетали, гибкая спина слегка сотрясалась и волновалась прелестно. Пораженный этим зрелищем, я остолбенел и стою удивляясь; восстали и члены мои, пребывавшие прежде в покое. Наконец обращаюсь к ней:

⁴⁵ Эта богиня – то есть Диана.

⁴⁶ Текст в рукописях испорчен.

– Как прекрасно, как мило, моя Фотида, трясешь ты этой кастрюлькой и ягодицами! Какой медвяный соус готовишь! Счастлив и трижды блажен, кому ты позволишь хоть пальцем к нему прикоснуться!

Тогда девушка, столь же развязная, сколь прекрасная:

– Уходи, – отвечает, – уходи, бедняжка, подальше от моего огня! Ведь если малейшая искра моя тебя зажжет, сгоришь дотла. Тогда, кроме меня, никто твоего огня не угасит, я ведь не только кастрюли, но и ложе сладко трясти умею!

8

Сказав это, она на меня посмотрела и рассмеялась. Но я не раньше ушел, чем осмотрев ее всю. Впрочем, что говорить об остальном, когда все время интересовали меня только лицо и волосы: на них смотрел я сначала во все глаза при людях, ими наслаждался потом у себя в комнате. Причина такого моего предпочтения ясна и понятна, ведь они всегда открыты и первыми предстают нашим взорам; и чем для остального тела служат расцвеченные веселым узором одежды, тем же для лица волосы – природным его украшением. Наконец, многие женщины, чтобы доказать прелесть своего сложения, всю одежду сбрасывают или платье приподымают, являя нагую красоту, предпочитая розовый цвет кожи золотому блеску одежды. Но если бы (ужасное предположение, да сохранят нас боги от малейшего намека на его осуществление!), если бы у самых прекрасных женщин снять с головы волосы и лицо лишить природной прелести, то пусть будет с неба сошедшая, морем рожденная, волнами воспитанная, пусть, говорю, будет самой Венерой, хором граций⁴⁷ сопровождаемой, толпой купидонов сопутствуемой, поясом своим опоясанной⁴⁸, кинамоном⁴⁹ благоухающей, бальзам⁵⁰ источающей, – если плешива будет, даже Вулкану⁵¹ своему понравиться не сможет.

9

Что же скажешь, когда у волос цвет приятный, и блестящая гладкость сияет, и под солнечными лучами мощное они испускают сверканье или спокойный отблеск и меняют свой вид с разнообразным очарованием: то златом пламенея, погружаются в нежную медвяную тень, то вороньей чернотой соперничают с темно-синим оперением голубиных горлышек? Что скажешь, когда, аравийскими смолами умащенные, тонкими зубьями острого гребня на мелкие пряди разделенные и собранные назад, они привлекают взоры любовника, отражая его изображение наподобие зеркала, но гораздо милее? Что скажешь, когда, заплетенные во множество кос, они громоздятся на макушке или, широкой волною откинутые, спадают по спине? Одним словом, прическа имеет такое большое значение, что в какое бы золотое с драгоценностями платье женщина ни оделась, чем бы на свете ни разукрасилась, если не привела она в порядок свои волосы, убранной назваться не может.

Но Фотиде моей не замысловатый убор, а естественный беспорядок волос придавал прелесть, так как пышные локоны ее, слегка распущенные и свисающие с затылка, рассыпались вдоль шеи и, чуть-чуть завиваясь, лежали на обшивке туники; на концах они были собраны, а на макушке стянуты узлом.

⁴⁷ Грации – римские богини красоты, веселья и радости; у греков – Хариты.

⁴⁸ ...поясом своим опоясанной. – В поясе богини любви Венеры (Афродиты) скрыты все любовные чары.

⁴⁹ Кинамон – коричневое дерево, из которого добывали благовонное масло.

⁵⁰ Бальзам – ароматная смола, вытекавшая из надразов на коре некоторых деревьев.

⁵¹ Вулкан (Гефест) – бог кузнечного ремесла, здесь: образец влюбленного и снисходительного мужа.

10

Дальше не смог я выдержать такой муки жгучего вожделения; прикинувшись к ней в том месте, откуда волосы у нее зачесаны были на самую макушку, сладчайший поцелуй запечатлел. Тут она, отстранившись немного, обернулась ко мне и, искоса взглянув на меня лукавым взором, говорит:

– Эй ты, школьник! За кисло-сладкую закуску хватаешься. Смотри, как бы, объевшись медом, надолго желчной горечи не нажать!

– Что за беда, – говорю, – моя радость, когда я до того дошел, что за один твой живой поцелуйчик готов изжариться, растянувшись на этом огне!

И с этими словами, еще крепче ее обняв, принялся целовать. И вот она уже соревнуется со мною в страсти и равную степень любви по-братски разделяет; вот уже, судя по благоговонному дыханию полуоткрытого рта, по ответным ударам сладостного языка, упоенная вожделением, готова уже уступить ему.

– Погибаю, – воскликнул я, – и погиб уже совершенно, если ты не сжалишься надо мной.

На это она, опять меня поцеловав, говорит:

– Успокойся. Меня сделало твоею взаимное желание, и утехи наши откладываются ненадолго. Чуть стемнеет, я приду к тебе в спальню. Теперь уходи и соберись с силами, ведь я всю ночь напролет буду с тобой сражаться крепко и от души.

11

Долго еще обменивались мы такими и тому подобными словами и наконец разошлись. Только что наступил полдень, как Биррена в гостинец мне прислала жирную свинку, пяток курочек и большой кувшин превосходного старого вина. Я кликнул тогда Фотиду и говорю:

– Вот к тому же и Либер⁵² прибыл, оруженосец и побудитель Венерин. Сегодня же высосем до дна это вино, чтобы оно заставило исчезнуть стыдливую немочь и силу веселую придало страсти. Ведь на Венерином корабле такие только припасы требуются, чтобы на бессонную ночь в лампе достало масла, в чаше – вина.

Остаток дня посвящен был бане и наконец ужину. По приглашению доброго Милона я разделил с ним вполне приличную трапезу и старался, памятуя наставления Биррены, как можно реже попадаться на глаза его супруге, отвращая свои взгляды от ее лица, будто от страшного Авернского озера⁵³. Но, наблюдая без устали за прислуживающей Фотидой, я несколько приободрился, как вдруг Памфила, взглянув на зажженную лампу, говорит:

– Какой сильный ливень будет завтра!

И на вопрос мужа, откуда это ей известно, отвечает, что лампа ей предсказала⁵⁴. На эти слова Милон, расхохотавшись, говорит:

– Великую Сивиллу⁵⁵ мы держим в этой лампе, что с высоты своей подставки наблюдает за всеми небесными делами и за самим солнцем.

⁵² Либер – одно из имен бога Вакха.

⁵³ Авернское озеро – озеро в Италии, расположенное в кратере вулкана и выделяющее вредные испарения, от которых погибают пролетающие над ним птицы. Древние верили, что возле этого озера находится вход в подземное царство.

⁵⁴ ...лампа ей предсказала – пример гадания по огню (так называемой эмпиромантии).

⁵⁵ Сивиллы – так в Древней Греции назывались странствующие пророчицы, о которых существовало множество легенд, как греческих, так и римских.

12

Тут я вступил в разговор и заявляю:

– Это только первые шаги в подобного рода прорицаниях, и нет ничего удивительного, что огонечек этот, хоть и скромненький и человеческими руками зажжен, помнит все же о том великом небесном огне⁵⁶, как о своем родителе; божественный ясновидец, он и сам знает, и нам возвещает, что собирается свершить этот великий огонь. Да вот и теперь у нас в Коринфе гостит проездом некий халдей⁵⁷, который своими удивительными ответами весь город сводит с ума и деньги зарабатывает, открывая кому угодно тайну судьбы: в какой день вернее всего заключать браки, в какой крепче всего постройки закладывать, какой для торговых сделок сподручнее, какой для путешествия посуху удобнее, какой для плаванья благоприятнее. Вот и мне, когда я задал ему вопрос, чем окончится мое путешествие, он наскзал много удивительнейших и разнообразных вещей; сказал, что и слава цветущая меня ожидает, и великие приключения невероятные, которые и в книги попадут.

13

Ухмыльнувшись на это, Милон говорит:

– А каков с виду тот халдей и как его звать?

– Длинный, – отвечаю, – и черноватенький. Диофан по имени.

– Он самый! – воскликнул. – Не кто, как он! Он и у нас подобным же образом многое многим предсказывал за немалые деньги и, больше того, добившись уже отличных доходов, впал, несчастный, в убожество, даже можно сказать – в ничтожество.

В один прекрасный день, когда народ тесным кольцом обступал его и он давал предсказания вокруг стоявшим, подошел к нему некий купец, по имени Кердон, желая узнать день, благоприятный для отплытия. Тот ему уже день указал, уже кошелек появился на сцену, уже денежки высыпали, уже отсчитали сотню денариев – условленную плату за предсказание, как вдруг сзади протискивается какой-то молодой человек знатного рода, хватает его за полу, а когда тот обернулся, обнимает и крепко-крепко целует. А халдей, ответив на его поцелуй, усадил рядом с собою и, ошеломленный неожиданностью встречи, забыв о деле, которым был занят в тот момент, говорит ему: «Когда же прибыл ты сюда, долгожданный?» А тот, другой, отвечает на это: «Как раз с наступлением вечера. А теперь Расскажи-ка ты, братец, каким образом держал ты путь морем и сушей с тех пор, как поспешно отплыл с острова Эвбеи?»

14

На это Диофан, наш замечательный халдей, не совсем еще придя в себя от изумления, говорит: «Врагам и неприятелям всем нашим пожелал бы я такого сурового, поистине Улиссова странствия! Ведь корабль наш, на котором мы плыли, потрепанный разными вихрями и бурями, потерял оба кормила⁵⁸, был прибит к противоположному берегу и, натолкнувшись

⁵⁶ ...помнит... о том великом небесном огне. – В качестве философской основы эмпиромантии Луций излагает стоическое учение о небесном огне как начале всего сущего.

⁵⁷ Халдеи – древний народ семитского происхождения, обитавший в Нижнем Двуречье (между реками Евфратом и Тигром). Уже в древности словом «халдей» обозначали предсказателей и колдунов независимо от племени, к которому они принадлежали.

⁵⁸ ...потерял оба кормила. – Корабль у древних управлялся с помощью двух кормовых весел – по одному с каждой

на скалу, быстро пошел ко дну, так что мы, потеряв все, едва выплыли. Что удалось нам сберечь благодаря ли состраданию незнакомых людей или благосклонности друзей, все это попало в руки разбойников, а брат мой единственный, Аригнот, вздумавший противостоять их наглости, на глазах у меня, бедняга, был зарезан».

Пока он вел этот плачевный рассказ, купец тот, Кердон, забрав свои деньги, предназначавшиеся в уплату за предсказание, немедленно убежал. И только тогда Диофан, опомнившись, понял, какой промах своим неблагоразумием дал он, когда наконец увидел, что все мы, кругом стоявшие, разразились громким хохотом.

– Но, конечно, тебе, Луций, господин мой, одному из всех халдей этот сказал правду. Да будешь ты счастлив, и путь твой да будет благополучен!

15

Пока Милон таким образом пространно разглагольствовал, я молча томился и порядочно злился, что из-за болтовни, по моей вине так некстати затянувшейся, лишусь я доброй части вечера и лучших его плодов. Наконец, отложив в сторону робость, говорю я Милону:

– Предоставим этого Диофана его судьбе, и пусть он снова дерет с людей шкуру, где ему угодно, на море или на суше; я же, по правде сказать, до сих пор еще не оправился от вчерашней усталости, так что ты разреши мне пораньше лечь спать.

Сказано – сделано, я добираюсь до своей комнаты и нахожу там все приготовленным для весьма приятной пирушки. И слугам были постланы постели как можно дальше от дверей, для того, я полагаю, чтобы удалить на ночь свидетелей нашей возни, и к кровати моей был пододвинут столик, весь уставленный лучшими остатками от ужина, и большие чаши, уже наполовину наполненные вином, только ждали, чтобы в них долили воды⁵⁹, и рядом бутылка с отверстием, прорубленным пошире⁶⁰, чтобы удобнее было зачерпывать, – словом, полная закуска перед любовной схваткой.

16

Не успел я лечь, как вот и Фотида моя, отведя уже хозяйку на покой, весело приближается, неся в подоле ворох роз и розовых гирлянд. Крепко расцеловав меня, опутав веночками и осыпав цветами, она схватила чашу и, подлив туда теплой воды, протянула мне, чтобы я пил, но раньше, чем я осушил ее всю, нежно взяла обратно и, понемногу потягивая губками, не сводя с меня глаз, маленькими глоточками сладостно dokonчила. За первым бокалом последовал другой и третий, и чаша то и дело переходила из рук в руки; тут я, вином разгоряченный и не только душой, но и телом, к сладострастию готовым, чувствуя беспокойство, весь во власти необузданного и уже мучительного желания, наконец приоткрыл одежду и, показывая своей Фотиде, с каким нетерпением жажду я любви, говорю:

– Сжался, скорей приди мне на помощь! Ведь ты видишь, что, пылко готовый к близкой уже войне, которую ты объявила мне без законного предупреждения, едва получил я удар стрелы в самую грудь от жестокого Купидона, как тоже сильно натянул свой лук и теперь страшно боюсь, как бы от чрезмерного напряжения не лопнула тетива. Но если ты хочешь

стороны корпуса.

⁵⁹ ...долили воды. – Древние всегда смешивали вино с водою (приблизительно одна часть вина на две части воды). Пить неразбавленное вино считалось признаком грубости и неумеренности.

⁶⁰ ...с отверстием, прорубленным пошире. – Вино хранилось в глиняных бутылках с узким горлышком. Устье такой бутылки запечатывалось гипсом, а открывали ее с помощью топора.

совсем угодить мне – распусти косы и подари мне свои желанные объятия под покровом струящихся волною волос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.